

**«ВОЙНА И МИР:
две мировые войны XX века (1914–1945 гг.)».
Заочный «круглый стол»**

**ОПЕРАТИВНО-ЧЕКИСТСКАЯ РАБОТА В ЛАГЕРЯХ ВОЕННОПЛЕННЫХ:
ВЫЯВЛЕНИЕ НАЦИСТСКИХ ПРЕСТУПНИКОВ
(по материалам Астраханских архивов)¹**

Федин Сергей Альбертович, доктор исторических наук, профессор

Астраханский филиал Образовательного частного учреждения высшего образования
«Международный юридический институт»
414000, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Казанская, 106
E-mail: fedserg62@mail.ru

В статье на материалах архивов Астраханской области воссоздается деятельность оперативно-чекистского отделения лагеря для военнопленных № 204 по формированию агентурной сети для выявления военных преступников, совершавших злодеяния на территории СССР, а также тех, кто пытался дестабилизировать обстановку в лагерях. В соответствии с руководящими документами НКВД-МВД нацистские преступники делились на две категории: главные военные преступники и преступники. Внутрелагерная агентура сыграла значительную роль в раскрытии военных преступников среди пленных.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военнопленные, оперативно-чекистская работа, агентурная работа, военные преступники, НСДАП, СС, СА, СД, полиция, жандармерия, разведка

**QUICK AND KGB WORK IN CAMPS PRISONERS OF WAR:
IDENTIFICATION OF THE NAZI CRIMINALS
(on materials Astrakhan archives)**

Fedin Sergey A., D.Sc. (History), Professor

Astrakhan branch of Educational private institution of the higher education
«International law institute»
106 Kazanskaya st., Astrakhan, 414000, Russian Federation
E-mail: fedserg62@mail.ru

In article on materials of archives of the Astrakhan region activity of quick and KGB office of camp for prisoners of war No. 204 on formation of a secret-service network for identification of the war criminals making crimes in the territory of the USSR, and also those who tried to destabilize a situation in camps is recreated. According to the leading documents of People's Commissariat for Internal Affairs-Ministry of Internal Affairs nazi criminals shared on two categories: main war criminals and criminals. The Vnutrilagermy agency played a significant role in disclosure of war criminals among prisoners.

Keywords: Great Patriotic War, prisoners of war, quick and KGB work, secret-service work, war criminals, NSDAP, CC, SA, SD, police, gendarmerie, investigation

Проблема деятельности оперативных подразделений – одна из малоизученных в истории лагерей для военнопленных. Долгое время материалы о работе лагерей и, особенно, их оперативных служб были закрыты в связи с тем, что эффективная работа оперативных отделов невозможна без налаженной агентурной сети, а эта тема всегда была под грифом «секретно». Вместе с тем, именно оперативные отделения приложили немалые усилия к выявлению среди пленных военных преступников, участников зверств и злодеяний на территории СССР, тех, кто пытался дестабилизировать обстановку в лагерях.

В данной статье, используя архивные источники, воссоздаются отдельные стороны деятельности оперативно-чекистских отделений на примере Астраханского лагеря № 204, что позволяет определить значение этих подразделений и ввести в научный оборот значительное число документов регионального характера, расширяющих имеющиеся представления по рассматриваемой проблеме. К таким архивным источникам относятся материалы из фондов Государственного архива Астраханской области, архива УМВД России по Астраханской области.

Оперативную работу в лагерях военнопленных осуществляли особые подразделения. В соответствии с «Положением о лагере для военнопленных», утвержденным НКВД СССР 23 сентября 1939 г. [5, с. 75–77], они создавались в структуре каждого лагеря и должны были

¹ Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-01-00416 «Трагедия плена в мировых войнах: политико-правовые, социально-экономические, культурно-коммуникационные аспекты (на материалах Астраханского региона)».

осуществлять чекистско-оперативное обслуживание военнопленных. Начальники отделений не подчинялись начальникам лагерей, а в своей оперативной работе находились под непосредственным руководством начальников особых отделов военных округов, наркомов внутренних дел республик и начальников Управлений НКВД регионов.

Вслед за общим документом, каковым являлось «Положение о лагере для военнопленных», 8 октября 1939 г. появилась Директива НКВД СССР, конкретизировавшая задачи особых отделений лагерей [5, с. 727–729]. Главной задачей было создание агентурно-осведомительской сети для выявления среди военнопленных контрреволюционных формирований и освещения настроения военнопленных.

В целях организации единой системы оперативного учета контингента устанавливался порядок, при котором на каждого военнопленного по прибытии в лагерь немедленно заполнялся опросный лист с фотокарточкой и заводилось учетное дело. Соответствующим образом должна была оформляться и вербовка агентуры. Но эти документы касались выявления реакционно настроенных военнопленных только среди поляков.

После начала Великой Отечественной войны руководство оперативным обслуживанием военнопленных в соответствии с приказом НКВД СССР от 15 августа 1941 г. № 0371 было возложено на Контрразведывательное управление (КРУ) НКВД СССР. До конца 1942 г. объем выполняемой работы был относительно невелик. Затем ситуация меняется. С 1943 г. счет пленным шел уже не сотнями, а сотнями тысяч. В этих условиях НКВД СССР издал Директиву от 8 октября 1943 г. № 489 «Об агентурной работе среди военнопленных», в которой потребовал перестроить работу оперативно-чекистских подразделений лагерей и оперативных отделов УНКВД [5, с. 729–732]. Выполняя указанную директиву оперативное отделение лагеря № 204 и УНКВД Астраханской области формировали агентурный аппарат, принимая во внимание национальный состав военнопленных. Так, в 3 квартале 1945 г. в процентном соотношении к численности пленным определенной национальности ситуация выглядела следующим образом: 2 % немцев и австрийцев, 8 % румын, 10 % венгров [1, л. 45]. Несмотря на то что процент завербованных венгров был самым высоким, руководство УНКВД Астраханской области считало эту работу недостаточной. Активизировать данное направление мешало отсутствия в аппарате оперотделения переводчиков с венгерского. Количество немцев, румын и венгров было наибольшим. Кроме них в лагере содержались чехи, словаки, молдаване, итальянцы, голландцы, шведы, болгары, украинцы, поляки, бессарабы и мадьяры, числились также три еврея и один цыган [6, л. 1-1об]. Но агентов от этих военнопленных было немного. На основании материалов, полученных от агентуры в течение указанного квартала, оперативным отделением взято на оперативный учет 79 жандармов и полицейских, 25 служивших в войсках СС, СА и СД, 12 участников зверств.

Через год, в 3 квартале 1946 г., количество агентов увеличилось: немцев и австрийцев уже было 4,5 %, венгров – 14 % [2, л. 86].

По мере продолжительности нахождения военнопленных в лагере и появившегося желания и надежды на то, что, оказывая помощь оперативникам в установлении нацистских преступников, военнопленные сумеют скорее вернуться на родину, агентов становилось все больше. Так, в 4 квартале 1947 г. немцев и австрийцев стало 8 %, венгров – 17 % [3, л. 87]. Вместе с тем, слабо проходила вербовка поляков, интернированных на территории Литовской ССР и перемещенных в середине 1947 г. в Астрахань из лагеря № 146, расположенного в Грузинской ССР. Поляки считали себя принадлежавшими к стране-победительнице и были крайне возмущены тем, что их лишили свободы. В лагере № 204 поляки проживали, хотя и в отдельной зоне, но вместе с военнопленными на территории лагерных отделений. Именно среди поляков было большое количество побегов, в том числе и групповых, и они практически не шли на сотрудничество с оперработниками лагеря.

Вербовка агентов в Астраханском лагере № 204, как и других лагерях, велась по двум направлениям: для использования на внутрилагерной работе по обнаружению военных преступников, предотвращению побегов и т.п. и для послевоенного времени, когда эти агенты могли бы проникнуть во все «каналы политико-экономической жизни страны, в ее учреждения, военный аппарат, армию, промышленность, органы разведки и т.д.» или как указывалось в документах – «агентура впрок». Причем, подобранную «впрок» агентуру использовать для внутрилагерных целей запрещалось. Об «агентуре впрок» мы в данной статье говорить не будем. А вот внутрилагерная агентура сыграла значительную роль в выявлении военных преступников среди пленных.

Несмотря на то что лагерь № 204 был образован в сентябре 1944 г. оперативно-чекистское отделение фактически начало организовывать свою деятельность лишь с декабря 1944 г. Это объяснялось трудностями в подборе оперативных работников и переводчиков. Тем

не менее, уже в первые месяцы было взято на формулярный учет 23 сотрудника германских разведывательных и контрразведывательных органов, 86 человек руководящего состава и рядовых членов национал-фашистских партий, а заодно и 13 владельцев промышленных предприятий, гостиниц, ресторанов и т.п. [1, л. 12].

Последний год войны был связан с массовым захватом в плен вражеских военнослужащих. Только после капитуляции фашистской Германии органами НКВД СССР было принято 1 366 298 военнопленных [5, с. 51]. Многие лагеря были перенаселены. Не составлял исключение и лагерь № 204: вместо положенных 2000 человек, контингент на 1 января 1945 г. составил около 6000 [6, л. 10].

НКВД (МВД) СССР нацеливало руководителей органов внутренних дел республик и начальников УНКВД (УМВД) краев и областей [5, с. 736–739] на усиление оперативной работы по раскрытию и ликвидации в лагерях среди военнопленных и интернированных подпольных фашистских террористических организаций и групп, которые, как это следовало из ориентировок МВД, вели активную подрывную работу в лагерях, совершая диверсии, организуя саботаж, групповые побег, нападения на охрану и т.п., ставили своей целью по возвращении на родину уничтожение руководителей коммунистических партий и восстановление фашистского строя.

Несмотря на то что Астраханский лагерь не попадал в ориентировки МВД, работа по выявлению подпольных фашистских организаций и групп, пытавшихся осуществлять реваншистские устремления, проводилась и здесь. Например, в лагерном отделении № 2 была установлена организованная группировка военнопленных в составе: Г. Арнольда, К. Мюллера, Р. Кунце, В. Гольника. Все четверо – служащие частей СС. Группа имела целью сохранение фашистских кадров среди военнопленных, популяризацию идеи реванша и восстановления фашистской Германии с помощью Англии и США, дискредитацию Советского государственного строя. Арнольд являлся центральной фигурой в этой группе. Будучи офицером СС Арнольд служил в одном из концлагерей и принимал участие в физическом уничтожении людей. Выяснилось, что он был членом организации «Вервольф». Арнольд рассказывал военнопленным о значении «Вервольф» в борьбе немцев против их врагов и о будущем этой организации.

Активную агитационную работу среди военнопленных проводил также участник группы Мюллер, радуя за возобновление деятельности НСДАП, за реванш в будущей войне против СССР. В таком же духе проводили агитационную работу среди военнопленных и другие участники группы, заявляя о своей преданности национал-социализму и необходимости борьбы с демократической Германией.

Постепенно состав организации расширялся. Среди активных участников выделялись еще несколько офицеров: Вайзенман, Квак, Эйтель, Вонгар, Лауден. Надеясь на близкую войну Великобритании и США против Советского Союза, участники группы от пропаганды националистских идей перешли к разработке конкретных планов боевых действий. Так, в начале войны планировалось поднять восстание в лагере и вывести военнопленных на волю; во время восстания уничтожить всех антифашистов и лиц, подозреваемых в сотрудничестве с органами МВД; добыть оружие и продовольствие путем нападения на тыловые склады и обозы Советской Армии; прорваться через линию фронта, соединиться с войсками, воюющими против СССР и принять участие в войне. Активисты организации взяли на учет всех пленных офицеров, которые могли бы принять участие в реализации этих планов.

В деятельности группы проявилось стремление вклиниться в антифашистские круги с целью подрывной работы. Так, активный участник группы Кунце обратился к функционеру антифашистской работы Клеешульту с просьбой помочь ему поступить в антифашистский актив, называя себя «приверженцем социализма и единства немецкой нации».

Арестованный Арнольд подтвердил свою принадлежность к «Вервольф» и наличие в лагере «милитаристско-фашистской подпольной организации». В конце 1947 г. разработка указанной группы была завершена, все участники арестованы и предстали перед Военным трибуналом [1, л. 72–73; 2, л. 89–91, 130; 3, л. 15–16]. 11 сентября 1948 г. Военный трибунал осудил Квака, Эйтеля, Вайзмана, Кунце, Мюллера, Вонгара, Лаудена по ст. 193-2, п. «в» Уголовного кодекса РСФСР 1926 г.¹ на срок от 6 до 10 лет исправительно-трудовых лагерей.

Однако, Верховный суд СССР по протесту председателя ВС СССР 12 октября 1948 г. вынес определение: поскольку действия осужденных имели прямой контрреволюционный умы-

¹ Ст. 193 УК РСФСР 1926 г. относилась к главе 9 «Преступления воинские», а 193-2, п. «в» содержал «Неисполнение отданного в порядке службы приказа, совершенное группой лиц, или лицом начальствующего состава, или если оно имело или могло иметь особо тяжелые последствия».

сел и состав их преступления подпадал под признаки ст. 58-2 и 58-11 УК РСФСР¹, у органов предварительного следствия и суда не было оснований квалифицировать данное преступление по ст. 193-2, п. «в». Приговор был отменен за неправильной квалификацией. Дело передано на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия для предъявления всем обвинения по ст. 58-2 и 58-11. 21 октября 1949 г. Военный трибунал в новом составе приговорил всех к 25 годам исправительно-трудовых лагерей. Но на этом их история не закончилась. Осужденные подали кассационную жалобу, в которой ссылались «на свое воспитание в условиях фашистской Германии и что они теперь осознали неправильную политику бывшего руководства фашистской Германии», просили о смягчении приговора. Но, Военный трибунал не усмотрел оснований к отмене или изменению приговора [7, лл. 32–33, 36, 87, 93].

Однако, это не единственный пример существования в лагере подпольных профашистских групп. Дело в том, что оперативные работники не сразу могли установить все взаимосвязи военнопленных. Бывали ситуации, когда прошлые сослуживцы оказывались в одном лагерном подразделении, что давало возможность опираясь на старые связи создавать подпольные группы или расширять имевшиеся. Например, бывший штурман СС Свирци Э. готов был создать самостоятельную подпольную группу, но встретив в лагере своего сослуживца Кунце, примкнул к организации Арнольда [3, л. 89–90].

Среди военнопленных немецких офицеров была создана группа под названием «Офицерский союз». Возглавлял ее бывший оберлейтенант, командир танковой роты, Зонтаг П., награжденный «Рыцарским крестом» [2, л. 16].

В числе военнопленных бывшей румынской армии в лагере находился некто Д. Лотарю, выдававший себя за румына, однако в действительности являвшийся немцем [1, л. 47; 2, л. 16, 102]. Находясь в лагере, Лотарю группировал вокруг себя реакционно настроенных пленных, в том числе из лиц, ранее служивших в жандармерии. Эта группа из 8 человек размещалась в лагерном отделении № 1. Участники стремились внедрить в сознание военнопленных необходимость сохранения фашистских кадров для активной борьбы с развитием демократического движения в Германии, вели работу по подрыву трудовой дисциплины в бригадах на производстве. Допрошенные в рамках уголовного дела свидетели подтвердили преступный характер деятельности группы. По результатам агентурной разработки было арестовано пятеро наиболее активных ее участников.

Попытки проводить антисоветскую работу осуществляли и одиночки. Так, немец Эшенбах Т. работал помощником бригадира. Имея определенное влияние на членов бригады, он убеждал их трудиться на производстве как можно меньше, призывая военнопленных к саботажу. Когда бригада работала на гравиемойке Эшенбах пытался умышленно вывести из строя агрегат. Но бригада не поддержала его, а один он не в состоянии был осуществить задуманное [2, л. 55–56]. Военнопленный Волчану К. сам не работал на производстве и призывал других румын к саботажу. Волчану пользовался большим влиянием, и его агитация имела успех [2, л. 102]. После проведенного расследования Волчану был привлечен к суду Военного трибунала.

Следует отметить, что агентурно-оперативная разработка групп и отдельных лиц занимала, как правило, несколько месяцев.

Органы внутренних дел на местах в соответствии с директивой НКВД СССР от 11 мая 1945 г. № 84 «Об организации в лагере агентурно-следственной работы по выявлению лиц, совершивших злодеяния на территории СССР» ориентировались на разоблачение военных преступников. Кроме того, большое значение придавалось выявлению лиц, располагавших по своей прошлой работе важными военными, политическими и экономическими сведениями, в целях использования их в интересах СССР, а также агентов иностранных разведок, действовавших не только на территории СССР, но и других европейских стран.

3 декабря 1946 г. директивой № 285 МВД СССР «О выявлении среди военнопленных и интернированных немцев военных преступников», направило в МВД-УМВД республик, краев и областей «Перечень лиц, которые согласно директиве № 38 Контрольного Совета в Германии являются военными преступниками, нацистами и милитаристами, подлежащих выявлению в лагерях для военнопленных» [5, с. 744–751]. В Перечне было подробное разделение военно-

¹ Ст. ст. 58-2 и 58-11 относились к главе 1 «Преступления государственные», в частности «Контрреволюционные преступления». 58-2. Вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, захват власти в центре или на местах в тех же целях и, в частности, с целью насильственно оторгнуть от Союза ССР и отдельной союзной республики какую-либо часть ее территории или расторгнуть заключенные Союзом ССР с иностранными государствами договоры. 58-11. Всякого рода организационная деятельность, направления к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой.

пленных на две категории: главных военных преступников и преступников. На всех лиц, отнесенных к категории главных военных преступников, предписывалось завести дела-формуляры, а на преступников – учетные дела. МВД СССР запретило репатриировать всех вскрытых военных преступников независимо от состояния их здоровья. За этим был установлен строгий контроль и при малейшем нарушении запрета виновные привлекались к ответственности.

Но это был не единственный документ. В июне 1948 г. данный список был пересмотрен [5, с. 759–763].

Уже в декабре 1946 г. оперативным аппаратом лагеря взято на учет 11 главных военных преступника и 70 преступников [2, л. 125]. Среди главных военных преступников можно выделить военнопленного по фамилии Зольдин В., который числился беспартийным унтер-офицером запасного пехотного полка. Однако, при тщательной проверке было установлено, что Зольдин был членом НСДАП и СА, а в 1939 г. направлен в резервную часть № 600, которая готовила кадры для полевой жандармерии. В 1941 г. Зольдин принимал участие в боях против Красной Армии, был ранен, а после выздоровления переведен в ту же часть № 600 в качестве преподавателя. Затем Зольдин служил в жандармерии в Румынии, а также выполнял разведывательные задания в этой стране [2, л. 91, 125–126; 3, л. 18].

Еще один пример. Военнопленный Петрич Г., австриец, до войны учился в университете. Хорошо владел английским, французским и русским языками. Служил в военной разведке, по заданию которой неоднократно переходил линию фронта. Находясь в лагере Петрич принимал меры к раскрытию агентуры среди военнопленных. С этой целью он вместе с Бошелем установил наблюдение за комнатой оперативного уполномоченного и в результате проведенных наблюдений пришел к выводу, что агентами являлись 8 военнопленных [2, л. 91, 126; 3, л. 52]. Несмотря на то что он ошибся в количестве, его действия привели к расшифровке двух агентов.

Весь процесс выявления военных преступников находился под контролем Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) МВД СССР. Этой работе придавалось огромное значение. Не случайно в сентябре 1946 г. МВД СССР принял Директиву № 230 «О выявлении среди военнопленных лиц, служивших в войсках СС и принимавших участие в массовых зверствах на территории СССР», а в июне 1947 г. издан приказ МВД СССР № 00576 «Об усилении работы по выявлению среди военнопленных и интернированных сотрудников разведорганов противника и их агентуры» [5, с. 740–741, 752].

Еще до появления этих двух документов оперативные сотрудники проводили подобную работу среди военнопленных. Однако, раскрытие эсэсовцев и сотрудников разведорганов противника было сопряжено с определенными трудностями. Дело в том, что военнослужащим СС было предписано скрывать свою принадлежность к этой структуре. Например, эсэсовские части, укомплектованные в Венгрии и Румынии, широко использовались немецким командованием в репрессиях на оккупированной территории СССР. Но, когда над ними нависла реальная угроза пленения, то им следовало сменить форму немецкой армии на венгерскую или румынскую, уничтожить все личные документы, в плену выдавать себя за венгров или румын, в зависимости от того, каким языком лучше владели, а местом службы в армии называть любую из венгерских или румынских общевойсковых частей [2, л. 59]. К этой категории относился военнопленный Шоллер М., немец, уроженец Румынии. Хорошо владел немецким, румынским и венгерским языками и выдавал себя за венгра. Шоллер в 1942 г. добровольно вступил в СС и был зачислен в 8-ю кавалерийскую дивизию, которая использовалась в карательных операциях в районах городов Торопец, Бобруйск и др.: занималась уничтожением населенных пунктов, насильственной отправкой советских граждан в Германию, расстрелом заложников и граждан, заподозренных в помощи партизанам [2, л. 63]. Военнопленный Буш Франц скрывался в лагере под чужой фамилией, а его настоящая фамилия - Шпрингман. В 1941 г. он поступил на службу в немецкую тайную полевую полицию, в составе которой был некоторое время в Норвегии и Румынии. Работал в качестве переводчика гестапо. Попав в плен Шпрингман скрыл свою настоящую фамилию и выдал себя за оберфельдфебеля 96-й артиллерийской дивизии [3, л. 18]. Таким образом, по агентурным данным, только в 3 и 4 квартале 1946 г. среди военнопленных было установлено 30 немцев, выдававших себя за венгров. Большинство из них служило в СС.

Оперативное управление ГУПВИ собирало и обобщало поступающую из различных лагерей информацию о выявленных военных преступниках, которую затем МВД в качестве ориентировок рассылало на места [5, с. 740–741, 752]. Без санкции ГУПВИ органы внутренних дел на местах не имели права направлять законченные следственные дела на рассмотрение в Военные трибуналы [5, с. 743–744].

Из числа законченных следственных дел ГУПВИ были отобраны наиболее подходящие для рассмотрения на открытых судебных процессах. Всего на 16 процессах был осужден 221 военный преступник. На этом открытые судебные процессы закончились. Осуждение всех

других военнопленных происходило уже в закрытых судебных заседаниях. Такой порядок был определен совместным распоряжением МВД, Минюста и Прокуратуры СССР от 24 ноября 1947 г. № 739/18/15/311 сс «О передаче законченных следственных дел на военнопленных – участников зверств на временно оккупированной территории СССР на рассмотрение в закрытые суды по месту содержания преступников» [5, с. 756]. В нем требовалось все дела рассматривать без участия сторон и без вызова свидетелей.

В качестве примера можно привести приговор по делу Э.-З. Шеллера, сотрудника бывшей германской полевой полиции, который продолжительный период времени участвовал в разведывательной работе немцев на территории Каменец-Подольской области, непосредственно работал с немецкой агентурой из числа советских граждан, а также участвовал в расстрелах мирного населения. Приговором Военного трибунала Шеллер осужден на 17 лет каторжных работ [2, л. 127–128; 3, л. 17–18; 8, л. 12–13].

Все осужденные военные преступники для отбывания срока наказания были разделены на две группы [5, с. 739, 755]. К первой относились те, кто были осуждены к каторжным работам. Они отбывали наказание в Воркутлаге МВД. Ко второй группе – военнопленные, осужденные за другие преступления. Те из них, кто по своему физическому состоянию относились к 1-й и 2-й категориям труда, направлялись в Норильский и Воркутинский исправительно-трудовые лагеря, нетрудоспособные – в Томский и Поньшский ИТЛ.

По мере приближения сроков массовой репатриации МВД СССР ускорило процесс отделения и концентрации военнопленных, находившихся на особом учете (служивших в СС, СА, СД, в полиции, жандармерии, разведывательных и контрразведывательных органах, организациях карательного и специального назначения). Активизировало свою работу и оперативно-чекистское отделение лагеря № 204. Например, по результатам агентурной разработки было закончено следствие и передано в Военный трибунал дело на бывшего генерал-майора германской армии Хенрици З., [4, л. 69] по указаниям которого в период оккупации территории бывшей Калмыцкой АССР, проводилось массовое уничтожение еврейского населения, расстрелы партийно-советского актива, истязание военнопленных Советской Армии и ограбление местного населения. 9 сентября 1948 г. Военным трибуналом Хенрици был приговорен к 25 годам лишения свободы.

Всего, как это следует из докладной записки С.Н. Крутлова И.В. Сталину от 20 января 1949 г., к этому времени по всей стране было осуждено 3712 немецких военнопленных, дела в отношении 6242 человек находились в стадии расследования [5, с. 52].

Таким образом, одной из основных задач оперативно-чекистских отделений лагерей для военнопленных было формирование агентурно-осведомительской сети, направленной на выявление среди военнопленных государственных преступников, совершавших злодеяния на территории СССР, организаторов саботажа и вредителей. С этой задачей они справились. Однако процесс разоблачения военных преступников был длительным и мог занимать несколько месяцев.

Список литературы

1. Архив Информационного центра Управления МВД России по Астраханской области (АИЦ УМВД АО). – Ф. 58. – Оп. 4. – Д. 1.
2. АИЦ УМВД АО. – Ф. 58. – Оп. 4. – Д. 2.
3. АИЦ УМВД АО. – Ф. 58. – Оп. 4. – Д. 3.
4. АИЦ УМВД АО. – Ф. 58. – Оп. 4. – Д. 4.
5. Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / сост. М. М. Загоруйко, С. Г. Сидорова, Т. В. Царевская; под ред. М. М. Загоруйко. – М.: Логос, 2000. – 1120 с.: ил.
6. Государственный архив Астраханской области (ГААО). – Ф. 2609. – Оп. 2. – Д. 1.
7. ГААО. – Ф. 3167. – Оп. 6. – Д. 14.
8. ГААО. – Ф. 3167. – Оп. 2. – Д. 142.

References

1. *Arhiv Informacionnogo centra Upravlenija MVD Rossii po Astrahanskoj oblasti* [Archive of Departments of MIA Information center of Russia across the Astrakhan region] (AIC UMVD AO), f. 58, op. 4, d. 1.
2. *AIC UMVD AO*, f. 58, op. 4, d. 2.
3. *AIC UMVD AO*, f. 58, op. 4, d. 3.
4. *AIC UMVD AO*, f. 58, op. 4, d. 4.
5. *Voennoplennye v SSSR. 1939–1956. Dokumenty i materialy*; sost. M.M. Zagorul'ko, S.G. Sidorova, T.V. Carevskaja; pod red. M.M. Zagorul'ko. M.: Logos, 2000, 1120 s.: il.
6. *Gosudarstvennyj arhiv Astrahanskoj oblasti (GAAO)* [State archive of the Astrakhan region], f. 2609, op. 2, d. 1.
7. *GAAO*, f. 3167, op. 6, d. 14.
8. *GAAO*, f. 3167, op. 2, d. 142.